

## ИЗЪ ДНЕВНИКА АНДРЕЯ МУРАТОВА.

1890 г.

28 августа.—Изъ географіи сегодня—четверка, изъ математики—пять. Василий Игнатьевич сказалъ: „Начинаете хорошо, Муратовъ!“ Товарищи посмотрѣли на меня. Не хотѣли, впрочемъ, Василий Игнатьевичъ намекнуть на то, что я, какъ въ прошломъ году, могу дурно окончить. Онъ ошибается, если такъ думаетъ. Я нынче весь, весь годъ стану учиться хорошо. А вотъ сосѣду моему, Санькѣ Кузьмину, сегодня не повезло. Изъ математики получилъ три, изъ географіи—двойку. Не могъ даже показать на картѣ озеро Никарагуа. Жаль было смотрѣть на него: сидитъ, бѣдняга, весь красный, даже вспотѣлъ, точно изъ бани вышелъ, губы дрожатъ,—чуть не плачетъ. Въ перемѣну его спрашиваю: „Отчего же ты не зналъ изъ географіи? Урокъ сегодня небольшой...“ — „Такъ!“ говоритъ, а самъ сидитъ, пригорюнившись, смотритъ въ дальній уголь и все какъ будто о чемъ-то думаетъ. „Ты боишься, что тебя дома будутъ бранить?“ спросилъ я его. — „Нѣтъ, говоритъ, меня бранить не будутъ...“ — „Такъ, что жъ, говорю, ты такъ приунылъ? Въ слѣдующій разъ поправишься, отвѣтишь лучше...“ — „Нѣтъ, ужъ видно мнѣ...“ началъ-было онъ и не кончилъ, закусилъ губы, круто отвернулся отъ меня и наклонился надъ столомъ. Я не видалъ его лица, но замѣтилъ, что его худенькія плечи слегка вздрагивали. Тутъ я догадался, что Санька плачетъ,—и оставилъ его въ покоѣ. Не люблю такихъ скрытныхъ...

16 сентября.—Вчера просидѣлъ до 11-ти часовъ, страшно усталъ—до головной боли, зато приготовилъ къ понедѣльнику всѣ уроки; осталось только немного дочитать изъ русскаго языка.—Сегодня передъ обѣдомъ ходилъ въ Таврической садъ. Листья на деревьяхъ начинаютъ желтѣть и падать. Ихъ уже

много на дорожкахъ... Не искалъ приключеній, а приключеніе само набѣжало.. Дѣло вышло изъ-за пробки... Впрочемъ, лучше запишу все по порядку. Иду я по аллеѣ и вижу: на скамейкѣ сидятъ какія-то барышни, а передъ ними стоитъ или — вѣрнѣе сказать — вертится очень маленькая дѣвица, лѣтъ 6—7 (вѣроятно, младшая сестра этихъ барышень), машетъ бутылкой и о чемъ-то оживленно разсуждаетъ, поминутно оглядываясь по сторонамъ.

„Нѣтъ ли съ вами, молодой человѣкъ, ножичка?“ обратилась ко мнѣ одна изъ барышень, когда я поровнялся съ ними. Мнѣ, признаться, ужасно понравилось, что меня назвали „молодымъ человѣкомъ“: хотя мнѣ уже 14 лѣтъ, но отецъ, и мамаша и всѣ знакомые, говори обо мнѣ, называютъ меня почему-то „мальчикомъ“... Я сказалъ, что ножика со мной нѣтъ, но тѣмъ не менѣе я подошелъ къ барышнямъ и спросилъ: не могу ли я и безъ ножика помочь имъ? „Вотъ, сестренка хочетъ молока, а пробку такъ забили, что никакъ не можемъ ее вынуть!“ отвѣтила мнѣ та же барышня. — „Позвольте, говорю, я попытаюсь!“

Взялъ я у дѣвочки ея бутылку съ молокомъ и вижу: дѣло — дрянъ, пробка совсѣмъ ушла въ горлышко... Я довольно силенъ, могу похвастаться: недавно въ классѣ я схватился съ Мухинымъ, — Мухинъ гораздо выше и толще меня, а я почти сразу поборолъ его. Но тутъ, съ пробкой, силой нельзя было ничего подѣлать: ухватиться, рѣшительно, не за что. Я хотѣлъ зацѣпить пробку ногтемъ, — невозможно! лишь только я дотрогивался до нея, какъ она опускалась еще ниже. Барышни, повидимому, съ большимъ интересомъ слѣдили за моими напрасными усиліями. Я чувствовалъ, что на меня смотрятъ — и невольно покраснѣлъ. А дѣвочка, рѣшительно, глазъ съ меня не сводила... Въ благодарность за то, что меня такъ любезно назвали „молодымъ человѣкомъ“, мнѣ чрезвычайно хотѣлось вытащить пробку, да и кромѣ того было приятно показаться героємъ и доказать барышнямъ, что я, дѣйствительно, заслуживаю данный мнѣ титулъ „молодого человѣка“. Но проклятая пробка не подавалась.

„Нѣтъ! Безъ штопора не достать!“ сознался я, наконецъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, — и возвратилъ дѣвочкѣ ея бутылку. — „Такъ и вы не можете?“ спросила она меня, слегка надувъ губы. — „Невозможно, барышня! — серьезно и съ непоколебимой увѣренностью отвѣтилъ я. — Отбить горлышко могу,

но въ такомъ случаѣ осколки стекла могутъ попасть въ молоко...“ — „Нѣтъ, ужь оставь, Надя! Надо идти домой...“ сказала ей старшая сестра. Дѣвочка съ минуту стояла, молча и задумчиво, приложивъ ко рту горлышко бутылки. Я уже хотѣлъ уходить, какъ вдругъ эта „маленькая дѣвица“ вся просіяла. „А я вотъ чтó сдѣлаю!“ крикнула она, подбѣжала къ сосѣднему дереву, искала чего-то на землѣ и возвратилась къ намъ съ прутикомъ въ рукѣ. И мигомъ, легко и проворно, она протолкнула пробку во внутрь бутылки.

„Еще гимназистъ!...“ сказала она съ усмѣшкой и, съ торжествующимъ видомъ посмотрѣвъ на меня, принялась съ жадностью пить молоко. Глаза у этой бойкой дѣвицы — большіе, темные, съ густыми, темными, рѣсницами, — и были бы очень недурны, если бы въ нихъ было поменьше насмѣшки. „Ай да Надя! Молодецъ!“ крикнула одна изъ барышень. Я сконфузился, но постарался улыбнуться и, поклопившись, ушелъ поскорѣ прочь... Дѣйствительно, какъ я не догадался! Протолкать пробку внутрь... Чего же проще!.. Эта дѣвочка съ большими, темными глазами оказалась находчивѣе гимназиста V класса!!!... Ловко.

Когда я выходилъ изъ сада, въ ворота хотѣли прошмыгнуть два какіе-то оборвыша, но сторожъ не пустилъ, взялъ ихъ за плеча и вытолкалъ на улицу. Это были маленькіе нищіе, — такіе худые, жалкіе, отрепанные! И какой сердитый этотъ сторожъ... Вѣдь эти мальчуганы, вѣроятно, хотѣли только попросить милостыни у гуляющихъ... Сколько нынче нищихъ! На Кирочной встрѣтилъ ихъ еще нѣсколько человекъ...

Помню: года три или четыре тому назадъ я видѣлъ у воротъ Таврическаго сада подобную же исторію и подумалъ: отчего это столько нищихъ? Дома я засталъ маму одну и тогда же спросилъ у нея объ этомъ... На мой вопросъ она прямо не отвѣтила. „Вотъ ужó выростешь, — узнаешь!.. На свѣтѣ много несправедливости...“ сказала она, ласково погладивъ меня по щекѣ. Потомъ, помню, я раздумывалъ надъ ея словами: „На свѣтѣ много несправедливости...“ Какимъ же образомъ эти слова относились къ моему вопросу о нищихъ? Развѣ къ нимъ, къ этимъ нищимъ, кто-нибудь былъ несправедливъ? Но кто же? Кто?.. Мнѣ припомнилось, какъ сторожъ выталкивалъ изъ сада маленькихъ оборвацевъ. Вѣроятно, — раздумывалъ я, — сердитый старикъ былъ несправедливъ къ нимъ. Ну да, конечно... Несправедливъ къ нимъ былъ сторожъ...

Какой глупый былъ я тогда!.. Теперь я ужъ не разспрашивалъ маму о нищихъ, а только рассказалъ ей о моемъ приключеніи съ пробкой. Мама разсмѣялась. „Въ другой разъ, говорить, будешь понаходчивѣ!“

20.—Сегодня почью видѣлъ страшный сонъ. Прохожу я будто бы вечеромъ по залѣ: въ залѣ—темно, только мѣсяць свѣтитъ въ окна и полосами ложится по полу. Въ залѣ тихо, и вдругъ я слышу: кто-то щелкаетъ зубами. Я даже вздрогнулъ,—а самъ во снѣ думаю: собакъ у насъ нѣтъ; изъ домашнихъ животныхъ только одна кошка, Мурка,—да и кошки зубами не щелкаютъ. Оглядываюсь, смотрю: вмѣсто портрета, что виситъ на стѣнѣ, выглядываетъ изъ позолоченой, овальной рамы косматая волчья голова съ оскаленными зубами; глаза такъ и горятъ, а зубы — большіе, бѣлые-бѣлые и все щелкъ, да щелкъ!.. Мнѣ стало страшно, и я выбѣжалъ изъ залы.

23.—Сегодня я недоволенъ собой...

Съ самаго утра пошелъ дождь — мелкій, безостановочный, настоящій осенній дождь. Я взялъ „Всемирный путешественникъ“ и сталъ тамъ читать о путешествіи одного француза по островамъ Тихаго океана. Интересно путешествовать по дикимъ, невѣдомымъ странамъ. Люблю читать такія книги, — читаешь и самъ въ воображеніи какъ будто странствуешь по этимъ далекимъ нустынямъ и лѣсамъ. Пришла сестра Маня и, увидавъ въ книгѣ рисунокъ, изображавшій дикарей, укоризненно покачала головой и говоритъ: „Андрюша, Андрюша! Какія неприличныя книги ты читаешь!“ Я сказалъ ей: „Дура! Пошла вонъ!..“ Эти семиклассницы ничего не понимаютъ. Маня ушла... Она, конечно, обидѣлась, хотя ничего не сказала мнѣ. Мнѣ стало очень совѣстно, что я выбранилъ ее. Что жъ дѣлать, въ самомъ дѣлѣ, если у „семиклассницъ“ такія строгія понятія о приличіи...

Вечеромъ за чаемъ мнѣ ужасно хотѣлось какъ-нибудь заглядить передъ нею свою грубость, — хотѣлось нето, чтобы извиниться передъ ней, но, просто, приласкать ее. Но я никакъ не могъ заставить себя подойти къ ней съ лаской. Отецъ не разъ говорилъ: „Мужчина долженъ выдерживать свой характеръ!“ Вотъ я и выдерживалъ характеръ, но мнѣ было очень неприятно... Мнѣ казалось, что Мавъка порой съ упрекомъ взглядывала на меня, но не сказала мнѣ ни слова. Она, молча, подвинула мнѣ масло, хлѣбъ, передала мамашѣ мой стаканъ. Мнѣ, право, было жалъ ее и такъ целовко... Не такъ-то легко

быть справедливымъ; поэтому-то, вѣроятно, великодушіе и справедливость чаще встрѣчаются въ книгахъ, чѣмъ въ жизни.

5 октября. — Вчера въ послѣднюю переѣзку Ключаревъ поссорился съ Норкинымъ. Норкинъ назвалъ Ключарева „франтикомъ“, „лабазнымъ аристократомъ“; Ключаревъ, разумѣется, вскипѣлъ, даже измѣнился въ лицѣ и крикнулъ Норкину: „А ты—бродяга, нищій!“ Все это было очень непріятно. Я сталь-было уговаривать ихъ, но ничего не вышло: Норкинъ сердито отъ меня отвернулся, а Ключаревъ грубо и рѣзко отвѣтилъ мнѣ: „Въ миротворцахъ не нуждаюсь!“ Они, видно, тоже, какъ я тогда передъ Манькой, „выдерживали характеръ“.

10.—Завтра—четвергъ, легкій день; только потруднѣе изъ математики и изъ исторіи. Завтра наши отправляются на именины, на Васильевскій Островъ.

16.—Опять съ Кузьминимъ несчастье: чрезвычайно неразборчиво написалъ латинскія упражненія, да еще ухитрился посадить двѣ кляксы. Карлъ Антоновичъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ и велѣлъ купить новую тетрадь. Санька опять приунылъ...

Давно у меня лежитъ его книга, „Капитанская дочка“—съ картинками, (кто-то подарилъ ему). Говорю ему сегодня: „На дняхъ я занесу тебѣ книгу?“—„Зачѣмъ же, говорить, тебѣ напрасно беспокоиться! Принеси какъ-нибудь въ классъ! Мнѣ она теперь не нужна...“ Отчего онъ не хочетъ поближе познакомиться со мной? Странно. Зову, зову его къ себѣ; онъ только одинъ разъ—и то еще въ прошломъ году—былъ у меня какъ-то въ воскресенье утромъ. Посидѣлъ нѣсколько минутъ, пересмотрѣлъ мой альбомъ съ карточками, поговорилъ что-то объ урокахъ... Оставлялъ я его завтракать, не остался—и скоро ушелъ. Все онъ какъ будто стѣсняется меня, дичится. Меня не приглашалъ къ себѣ ни разу. Знаю только, что онъ живетъ вдвоемъ съ матерью, въ Озерномъ переулкѣ, что они—люди небогатые... Но вѣдь что же ему стѣсняется съ товарищемъ! И мой отецъ—не Ротшильдъ. А очень хотѣлось бы сблизиться съ нимъ. Онъ хотя и скрытный, но мнѣ очень нравится: тихій, скромный и очень не глухой парень. Только отчего онъ плохо учится?

24. — Сегодня, когда я возвратился изъ гимназіи, въ передней меня встрѣтила Манька. Я провелъ рукой по ея волосамъ и слегка взъерошилъ ихъ. Ужасно люблю ерошить ея вудрявые, бѣлокурые волосы... Они у нея такіе мягкіе и

тонкіе, какъ шелкъ. Манька уже привыкла къ моимъ нападеніямъ на ея кудри и переноситъ ихъ терпѣливо. „Пойдемъ, Андрюша! Чтò я тебѣ покажу..“ — сказала она, взявъ меня за руку, и повела въ кабинетъ. Осторожно, на цыпочкахъ вошла она въ комнату и шопотомъ проговорила: „Смотри!..“ На отцовскомъ письменномъ столѣ, въ видѣ живого прессъ-папье, спала Мурка, свернувшись въ клубокъ на какихъ-то бумагахъ. Осеннее солнце свѣтило въ окно и пригрѣвало Мурку. „Посмотри, какъ она спитъ!“ — съ улыбкой говорила Маня, радуясь на свою любимицу. Картинка, дѣйствительно, была недурна...

4 ноября. — Былъ у Саньки. И все еще не могу разобратъся въ своихъ мысляхъ. То мнѣ кажется, что я сдѣлалъ нехорошо, пасильно навязавшись къ нему въ гости, а то мнѣ думается, что теперь, когда я невзначай открылъ его тайну, мы скорѣе подружимся... Мать его, оказывается, совсѣмъ бѣдная женщина, занимается шитьемъ бѣлья. Въ первый разъ видѣлъ, какъ люди живутъ въ квартирѣ „въ одну комнату съ кухней“ и еще отдають въ наемъ „углы“ такимъ же бѣднякамъ, какъ сами. Комната — небольшая, въ два окна, кухня — еще меньше и почти совсѣмъ темная, потому что ея единственное окно упирается въ какую-то сѣрую, грязную стѣну. И въ комнатѣ окна маленькія, низкія, почти вровень съ землей; изъ нихъ видна только мостовая двора, да мелькають ноги пѣшеходовъ. Не увидишь отсюда ни солнца, ни клочка неба. Въ этой каморкѣ должно быть сыро, судя по пятнамъ на обояхъ... Въ кухнѣ живутъ двѣ старухи-торговки, третья старушка помѣщается въ комнатѣ, у печки.

Санька спитъ на полу, мать — на кровати, въ глубинѣ комнаты. Кровать и то мѣсто, гдѣ спитъ Санька, отдѣлены отъ остальной комнаты пестрой ситцевой занавѣской. Неподалеку отъ окна стоятъ двѣ табуретки и дребезжащій столъ. Въ простѣнкѣ между окнами кое-какъ придѣлана изъ доски небольшая полка; на ней лежатъ Санькины книги и тетради. Рядомъ съ полкой — календарь, далѣе — росписаніе уроковъ на 1890—1891 г., а по сосѣдству съ занавѣской на стѣнѣ висѣло маленькое зеркало въ жестяной оправѣ. Въ углу, на двухъ-трехъ гвоздяхъ было повѣшено платье.

Когда я вошелъ въ кухню и спросилъ: „Здѣсь живетъ Кузьминъ?“ мнѣ никто не отвѣтилъ, никто даже не замѣ-

тиль меня. Въ кухнѣ на ту пору стоялъ такой адскій шумъ, что и трудно было бы услыхать мой голосъ. Одна старуха изо всей мочи рубила что-то на столѣ, а двѣ другія суетились у плиты, черпали изъ котла кипятокъ и расплескивали его второпяхъ. Раскаленная плита шипѣла, шипѣли и трещали подъ пей дрова. Женщины тараторили безъ умолку, какъ сороки. Бѣловатый паръ расходился по кухнѣ... Санька сидѣлъ въ комнатѣ, согнувшись въ три погибели надъ низкимъ, дребезжащимъ столомъ, и что-то читалъ, заткнувъ уши. Мать его сидѣла тутъ же у стола и, не смотря на то, что было воскресенье, спѣшно дошивала какую-то нарядную сорочку. Я уже не нашель нужнымъ повторять своего вопроса, увидавъ Саньку черезъ растворенную дверь, и прямо подошелъ къ нему. „Саня! Вѣроятно, къ тебѣ“...—сказала мать, дернувъ его за рукавъ.

При видѣ меня Санька смутился, покраснѣлъ, но тотчасъ же познакомилъ меня съ матерью, притащилъ изъ кухни табуретъ и сказалъ мнѣ: „Садись, пожалуста!“ Я сказалъ ему, что зашелъ на минуту, что съ удовольствіемъ посижу у него въ другой разъ, а теперь некогда (онъ, впрочемъ, не особенно упрашивалъ меня остаться). Я возвратилъ ему „Капитанскую дочку“, взялъ съ него обѣщаніе быть у меня въ среду вечеромъ, распрощался и ушелъ. Мнѣ показалось, что мое посѣщеніе не то что было неприятно Санькѣ, но какъ будто стѣсняло его. Неужели же Санька стыдится того, что онъ бѣденъ, что онъ живетъ съ матерью въ такой жалкой каморкѣ? А вотъ мнѣ такъ, дѣйствительно, было стыдно, когда я посравнилъ мою и его жизнь. Что жъ это! Намъ, значить, обоимъ было неловко?..

Мнѣ-то, понятно, отчего было совѣстно... Я живу такимъ барченкомъ, со всѣми удобствами, въ довольствѣ, хотя и не Богъ вѣсть въ какомъ богатствѣ. Всѣ нужныя книги, всѣ учебныя пособія—у меня подъ рукой; для занятій у меня—отдѣльная комната; могу запереться,—и Манька носу ко мнѣ не покажетъ, и никто не помѣшаетъ мнѣ. У меня—прекрасный письменный столъ и на немъ—всѣ письменныя принадлежности; даже бронзовая лошадка съ длинной, густой гривой (папанинъ подарокъ) стоитъ за чернилицей... А у Саньки?.. Бѣдный Санька! Ему не хотѣлось, чтобы я узналъ, въ какой нуждѣ онъ живетъ, и какъ ему неудобно и трудно учиться. Глупый, глушій Санька!..

Намъ нужно непременно объясниться.

5. — Въ классѣ сегодня опять была пальба. Карлъ Антоновичъ напустился на Кузьмина за то, что тотъ еще не купилъ себѣ новую тетрадь. Ужь онъ пилилъ, пилилъ бѣднаго Саньку, а Сапка все молчалъ, да краснѣлъ, по своему обыкновенію, и, наконецъ, вполголоса сказалъ: „Куплю!“ .. Готовъ на что угодно побиться объ закладъ, что у Саньки нѣтъ 15 копѣекъ на тетрадь. Какой же онъ, право!.. А у меня деньги есть—и совершенно лишнія, но я не знаю: какъ предложить ему. Боюсь, чтобы онъ не обидѣлся.

6. — Думалъ о Санькѣ. Теперь для меня стало многое ясно изъ того, что прежде казалось непонятно. Теперь, когда я видѣлъ его дрожащій, дребезжащій столъ, я уже знаю: почему онъ въ прошлый разъ такъ неразборчиво написалъ латинскія уграженія,—знаю и то: почему онъ посадилъ двѣ кляксы. Теперь я знаю: почему онъ иногда плохо знаетъ урокъ. Въ такомъ адскомъ шумѣ, какой у нихъ въ кухнѣ, при ходьбѣ и разговорахъ—трудно работать головѣ. Я думаю, что и Пушкинъ, не смотря на необыкновенный талаптъ, не написалъ бы своихъ прекрасныхъ поэмъ, если бы заставили его работать на торчкѣ, гдѣ-нибудь на колокольнѣ, подъ колокольный звонъ... Вотъ даже, читая книгу, Санькѣ приходится зажимать уши для того, чтобы заставить свою мысль слѣдить за прочитаннымъ. А, вѣдь, учиться, запоминать, соображать, рѣшать какую-нибудь сложную математическую задачу—еще труднѣе, чѣмъ просто читать книгу. Теперь я знаю: отчего онъ въ тотъ разъ не могъ указать на ландкартѣ озеро Никарагуа. У него, оказывается, нѣтъ атласа.

Вмѣсто чернилицы, у него—какая-то стеклянка съ отбитымъ горлышкомъ. Онъ и бумагу бережетъ, и перья: видно, у матери научился во всемъ экономить. Какъ только допишетъ, сейчасъ же самымъ старательнымъ образомъ вытираетъ бумажкой перо. „Зачѣмъ ты каждый разъ такъ чистишь и трешь перо?“ —спросилъ я его однажды. — „Для того, чтобы не ржавѣло!“ —отвѣтилъ онъ—и сконфузился.

Чудакъ!

8. — Вчера вечеромъ былъ у меня Кузьминъ и просидѣлъ такъ долго, что я даже удивился. Сидѣлъ онъ, разумѣется, въ моей комнатѣ, выйти въ столовую не рѣшился. Я ужъ и тѣмъ доволенъ, что онъ хоть у меня-то посидѣлъ. Чай и закуску подали ко мнѣ въ комнату. Гость мой не



вдругъ разговорился, но все-таки оживился мало-по-малу. Ну, я очень радъ. Этотъ бука мнѣ положительно все больше и больше правится.

У меня два географическіе атласа: одинъ—мой, а другой остался отъ брата Коли. Братнинъ атласъ, мнѣ совершенно ненужный, я подарилъ Санькѣ—съ надписью: „Другу моему Санькѣ Кузьмину, на память дружбы,—Андрюша Муратовъ. Петербургъ. 7-го ноября 1890 г.“.—Поторопился, вышло не совсѣмъ складно, да—ничего! „На которую часть свѣта пи посмотришь, на чтó ни взглянешь—на горы, на моря, каждый разъ непременно вспомнишь обо мнѣ!“—сказалъ я ему. Санька весело разсмѣялся... Люблю, какъ онъ смѣется! Смѣхъ у него какой-то особенный, искрепный, совершенно дѣтскій. Такъ открыто, задупежно смѣются только добрые, люди съ чистымъ сердцемъ... Чьи это слова? Вычиталъ ли я ихъ гдѣ-нибудь, или самъ надумалъ ихъ? Если „самъ“, то это—очень недурно... Санька такъ разошелся, что, разсматривая въ своемъ повомъ атласѣ Монголію, застѣнчиво посмотрѣлъ въ мою сторону и позвалъ меня къ себѣ въ субботу вечеромъ. Ледь началъ таять... Оставалось еще самое трудное: заставить его взять денегъ въ долгъ. Думалъ я, думалъ: какъ бы лучше сдѣлать... Наконецъ, гость мой сталъ посматривать на стѣнные часы, висѣвшіе надъ моимъ столомъ. Приходилось идти прямо напроломъ.

„Санька!—говорю ему.—У тебя теперь, можетъ быть, нѣтъ денегъ, а у меня есть лишнія... Между друзьями водится такъ, чтобы всѣмъ дѣлиться. Возьми же, пожалуста!..“ И я подаль ему—или, нѣтъ! вѣрнѣе сказать—сунулъ ему въ руку пятирублевку. Санька вспыхнулъ, какъ зарево, потупился, и рѣсницами почти совсѣмъ прикрылись его голубые глаза, но—только на одно мгновенье. Онъ поднялъ голову, такъ хорошо посмотрѣлъ на меня и, вмѣсто всякихъ благодарностей, молча, крѣпко-крѣпко пожалъ мнѣ руку. Въ тѣ минуты мнѣ страшно хотѣлось разцѣловать его, какъ я цѣлую иногда маму или сестренку, но—въ гимназіи у насъ *это* не принято. Почему? Не знаю... Мнѣ кажется, что браниться такъ, какъ, напримѣръ, Ключаревъ съ Норкинымъ—гораздо хуже и стыднѣе, чѣмъ цѣловаться съ другомъ. Что жъ неприличнаго въ томъ, если хочется обнять и поцѣловать человѣка, какъ брата, въ тѣ минуты, когда душа бываетъ полна хорошихъ, свѣтлыхъ чувствъ, и сердце бьется такъ радостно?..

11. — Вчера вечеромъ, какъ общалъ, отправился я къ Кузьмину. Его не было дома; онъ ушелъ въ лавку. Посидѣлъ съ его матерью. Работа не мѣшала ей разговаривать. Изъ отрывочныхъ ея разказовъ я узналъ, что годъ тому назадъ она овдовѣла, и съ тѣхъ поръ дѣла ихъ пошли худо. Покойный мужъ ея служилъ въ какой-то конторѣ и ничего постѣ себя не оставилъ, кромѣ стараго платья. Она женщина совсѣмъ не старая, очень серьезная, работающая, держитъ себя съ достоинствомъ, — и женщина замѣчательно спокойная. Такого спокойствія мнѣ, право, не приходилось еще ни разу встрѣчать въ людяхъ. (Положимъ: живу-то я на свѣтѣ еще не особенно долго!) Я такъ понимаю эту женщину: она уважаетъ самое себя и другихъ, кто бы они ни были, лишь бы заслуживали уваженія сами по себѣ, какъ люди. Для нея нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ, ни людей чиновныхъ, ни богачей, ни ученыхъ, ни художниковъ, а есть только люди — добрые или злые, смотря по тому, какими они сдѣлались, или какими сдѣлала ихъ судьба. Съ ней чувствуешь себя очень хорошо, легко, и пріятно поговорить съ ней. Вотъ ужъ именно говорить, какъ ручеекъ льется, — ни одного пустого или грубаго слова, рѣжущаго ухо. Въ разговорѣ съ ней совсѣмъ забываешь, что она „простая женщина“, швея. Впрочемъ, она образованна, много читала... Ее зовутъ Ольгой Тимоѣевной.

Пришелъ Санька, навьюченный, какъ верблюдъ, разными покупками, бумажными мѣшечками, тюричками. Теперь онъ почти уже не стѣснялся меня. Разложивъ свои покупки на столъ и на подоконникъ, онъ нѣ-скоро пожалъ мнѣ руку и, скинувъ пальто, принялся ставить самоваръ. Я захотѣлъ помочь ему и, пока онъ щепалъ лучину, я сталъ класть уголья въ самоваръ. „Вѣдь ты замараешься! — со смѣхомъ крикнулъ мнѣ Санька. — „Ну, вотъ еще!..“ — возразилъ я. — „Не беспокойтесь, въ самомъ дѣлѣ! Онъ поставитъ... Вѣдь это — его дѣло!“ — своимъ обычнымъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ сказала Ольга Тимоѣевна. Но я все-таки помогъ другу, хотя потомъ и пришлось вымыть руки. Когда Санька подалъ самоваръ, на столѣ появились разныя разности: сахарныя булки, три калача, вареная колбаса съ чеснокомъ, кусочекъ масла, лимонъ и фунтовая баночка вишневаго варенья. При видѣ всѣхъ этихъ прелестей, мнѣ отчасти стало совѣстно, что я ввелъ хозяевъ въ лишніе расходы, но въ то же время мнѣ было пріятно видѣть, что Санька очень радъ тому, что можетъ угостить меня. Я

какъ-то невольно радовался его радости; его душевное довольство и веселость сообщались и мнѣ.

Указывая на атласъ, лежавшій на полкѣ вмѣстѣ съ книгами, Санька сказалъ: „А вотъ мнѣ нечего подарить тебѣ на память!“ — „Я и безъ того тебя не забуду!“ отвѣтилъ я. — „Вотъ уже весной сниму съ себя карточки и дамъ тебѣ...“ продолжалъ онъ. — „Отлично! И я тебѣ дамъ свою карточку!“

Давно я не проводилъ время такъ приятно, какъ вчера вечеромъ въ санькиной каморкѣ.

14.—Къ завтрашнему дню много задано изъ математики. Просидѣлъ надъ ней почти до 10-ти часовъ. Захотѣлось пройтись, освѣжиться. При усиленной умственной работѣ движеніе необходимо. Но въ тотъ вечеръ не совсѣмъ было удобно „двигаться“ по петербургскимъ улицамъ. Шелъ дождь и снѣгъ; фонари такъ жалко мерцали въ туманѣ, какъ будто каждую минуту собирались погаснуть. На землѣ—грязно, на небѣ—темно... Я тихо прошелъ по Фурштатдтской взадъ и впередъ. Вѣтеръ шумѣлъ...

Въ этотъ темный ноябрьскій вечеръ мнѣ почему-то вдругъ припомнились обширныя петербургскія кладбища. Два города рядомъ, бокъ-о-бокъ: городъ живыхъ и городъ мертвыхъ. Одинъ — шумный, веселый, блестящій; другой—тихий, пустынный, теперь погруженный во мракъ. Въ одномъ—великолѣпные дворцы, барскія палаты, громадные храмы, музеи, ярко освѣщенные магазины, театры, разныя увеселительныя заведенія, гостиницы, рестораны; въ другомъ—тоже есть церкви, но—вмѣсто домовъ—въ немъ только надгробныя памятники и кресты, и надъ ними впотъмахъ въ вѣтвяхъ деревьевъ вѣтеръ печально шумить... И изъ Петербурга постоянно, изо дня въ день, народъ понемногу переселяется въ тотъ тихій, пустынный городъ. Петербургъ растеть, растутъ и кладбища вокругъ него.

Ушніе на меня нагналъ этотъ ненастный, мрачный ноябрьскій вечеръ.

18.—До обѣда ходилъ къ Санькѣ.

Тайпы его понемногу раскрываются. Оказывается, что у него нѣтъ нѣкоторыхъ учебниковъ, и онъ бѣгаетъ за ними то къ тому, то къ другому товарищу. Буду дѣлиться съ нимъ, а иногда станемъ вмѣстѣ заниматься. Матери его не было дома: относила куда-то работу. Мы долго разговаривали съ Санькой. Я рассказывалъ ему о недавно прочитанномъ пу-

тешествіи по Океаніи и очень заинтересовала его. Разсматривая на полкѣ санъинны книги, я увидалъ Евангеліе.

„Ты читаешь Евангеліе?“ спросилъ я.—„Да! Я люблю его читать!“ отвѣтилъ Санька. „Иногда по вечерамъ, когда свободно, я его читаю матери вслухъ, а она работаетъ... Вотъ тутъ и сидимъ у стола. И старухи наши иной разъ притащатся, сидятъ, слушаютъ и очень довольны...“—„А это... Сочиненія Некрасова... Чьи?“ продолжалъ я, роясь въ книгахъ.—„Послѣ отца остались!“—„А кто же тутъ карандашомъ помѣтки дѣлалъ на поляхъ?“ спросилъ я, перелистывая книгу.—„Покойный отецъ...“ отвѣтилъ Санька. „Онъ очень любилъ стихотворенія Некрасова и по праздникамъ всегда читалъ намъ его... Онъ говорилъ, что Некрасовъ самый лучший изъ русскихъ поэтовъ. Только, говорилъ онъ, Некрасова могутъ хорошо понимать люди бѣдные, несчастные; Некрасовъ писалъ все больше о нихъ и для нихъ...“

„А правда,—у него есть чудныя стихотворенія!“ немного погодя, задумчиво промолвилъ Санька, опершись локтями на столъ и опустивъ голову на руки. И сказалъ, что, дѣйствительно, Некрасовъ, пожалуй, самый понятный для насъ, самый близкій нашему сердцу, самый симпатичный изъ русскихъ поэтовъ...

19.—Вчера вечеромъ заходилъ ко мнѣ Радуницкій. Какой онъ странный!.. Разговорились мы о великихъ людяхъ. Наполеона I онъ называетъ великимъ, гениемъ, и ужъ я не знаю какъ. Онъ, просто, въ восторгѣ отъ этого башки-бузюка... А я сказалъ ему, что такихъ людей, какъ Чингис-Ханы, Аттилы, Наполеоны,—не за что называть великими,—они, просто,—говорю,—разбойники!.. Услыхавъ отъ меня такой приговоръ, Радуницкій совѣмъ обалдѣлъ и вытаращилъ на меня глаза... Потомъ онъ засмѣялся и хотѣлъ было, перебить меня, но я все-таки постарался доказать ему, какъ только умѣлъ, что эти люди прославились лишь тѣмъ, что на своемъ вѣку больше другихъ перебили народу, больше городовъ и сель сожгли и раззорили, больше сдѣлали несчастныхъ въ мірѣ. Прекрасные подвиги,—говорю я,—нечего сказать! Есть за что по головѣ погладить!.. Кровью и слезами ближнихъ добывать себѣ извѣстность въ потомствѣ... Умерщвлять мулчинъ, и женщинъ, и стариковъ, и „головы младенцевъ разбивать о камень“, а оставшихся въ живыхъ превращать въ дикарей, въ звѣрей дикихъ и кровожадныхъ...

фу, ты, якія блестяція дѣяннѣ! Уничтожать на землѣ жизнь и счастье, — говорю, — ни передъ кѣмъ не заслуга, но величайшее преступленіе. И твой Наполеонъ, говорю, одинъ изъ величайшихъ преступниковъ. Что въ его умѣ и талантахъ, если они употреблялись на горе людямъ! Выдающіеся люди науки, искусства, герои труда, герои милосердія и любви къ людямъ, приносившіе пользу человѣчеству, увеличивавшіе счастье на землѣ — вотъ настоящіе великіе люди. Имъ можно ставить памятники, и имъ будутъ памятники ставить, а имена разбойниковъ чѣмъ скорѣе сотрутся со страницъ исторіи, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе чести для человѣчества.

Долго спорили. Радуницкій наконецъ сказалъ: „Ужь ты не членъ-ли Лиги мира?“ назвалъ меня „святошей“, „философомъ“, посмѣялся надо мной и ушелъ. А, право, онъ какъ будто не въ своемъ умѣ...

Послѣ его ухода, ложась спать, я думалъ: у насъ, положимъ, нѣтъ такихъ крупныхъ людей, какъ, на примѣръ, Галилей, Ньютонъ, Шекспиръ, — но и у насъ есть большіе люди и почтенныя имена...

20. — Карлъ Антоновичъ душитъ латинскими упражненіями.

22. — Продолжаетъ душитъ.

24. — Охъ, совсѣмъ задушилъ!..

28. — Поотлегло. Карлъ Антоновичъ пропустилъ два урока. Вздохнули. А то, просто, почитать некогда...

29. — Морозы нынче что-то начались рано. Думали, что будетъ „сиротская зима“, а между тѣмъ сегодня утромъ Реомюръ показывалъ 18°; а на Невѣ, вѣроятно, доходило до 20.

Послѣ классовъ заходитъ на минуту къ Кузьмину. Въ его каморкѣ зимой, просто, невыносимо. Отъ окна дуетъ; стекла разрисованы фантастическими листьями и цвѣтами; углы подоконниковъ запушились бѣлымъ инеемъ; съ оконъ течетъ. Со стороны кухни, отъ плиты, обдаетъ жаромъ. Женщины трещатъ въ кухнѣ, о чемъ-то спорятъ. Форточки отворять нельзя, примерзла, а въ квартирѣ, между тѣмъ, можно задохнуться отъ запаха пригорѣлаго сала или масла.

Ужасъ, ужасъ! Какъ Санька живетъ здѣсь, въ этомъ чаду, въ вѣчномъ угарѣ, въ шумѣ и толкотнѣ! Теперь я не тому удивляюсь, что онъ иногда не знаетъ урока и ставитъ кляксы на тетрадахъ, тому удивляюсь: какъ онъ еще можетъ жить и учиться въ этомъ кухонномъ аду!

„Отчего вы не затворяете дверей въ кухню?“ спросилъ я Саньку.—„Кухней наша комната нагрѣвается... Печка одна. А дважды топить ее накладно... Экономимъ!“ говорилъ Санька.—„Но вѣдь тебѣ ужасно неудобно!“ замѣтилъ я.—„Да!“ протянулъ онъ, и тотчасъ же спохватился: „Но ничего... Я ужъ привыкъ! Годъ здѣсь живемъ... Заткну уши и читаю...“ (Онъ не искалъ сожалѣній).—„Но вѣдь здѣсь у васъ сыро, холодно, а отъ плиты пышитъ...“ говорю я.—„Холодно у насъ только въ морозы!—утѣшалъ меня Санька.—А вотъ на дворѣ станетъ потеплѣе—и ничего!“ Очень мило! подумалъ я, но ничего не сказалъ. Значить, лѣтомъ у нихъ въ квартирѣ совсѣмъ тепло, а холодно въ ней *только* зимой, въ морозы. Прелесть!

Замѣчательная выносливость! Терпѣніе дьявольское!.. Я бы на мѣстѣ Саньки давно сбѣжалъ... А если сбѣжать-то некуда?

27 декабря.—Давно я не брался за свой дневникъ. Совсѣмъ былъ заваленъ работой: Карлъ Антоновичъ и Глушиловъ точно взбѣсались...

Праздники начались весело. Вчера Санька въ первый разъ ночевалъ у меня. Я уступилъ ему свою постель, но онъ заупрямился и легъ на кушеткѣ. Въ первомъ часу мы погасили лампу, пожелали другъ другу спокойной ночи, но— вмѣсто того, чтобы спать—вдругъ разговорились и проболтали до поздней ночи. Можно было утромъ поспать подольше: въ гимназію не бѣжать. Теперь—послѣ его откровенныхъ признаній—оказывается, что и Санька уже давно, еще въ прошломъ году, замѣтилъ меня, и ему хотѣлось ближе познакомиться со мной, но онъ меня боялся, считалъ меня гордымъ, спѣсивымъ барченкомъ, думалъ, что я посмѣюсь надъ его бѣдностью. „Ахъ, ты, Санька, Санька!“ со смѣхомъ говорилъ я ему укоризненнымъ тономъ.—„Ну, что жъ такое!—оправдывался Санька.—Вѣдь я тогда не зналъ тебя...“

Потолковали объ экзаменахъ; уговорились съ нимъ, что будемъ вмѣстѣ готовиться; мечтали о лѣтнихъ дняхъ. Лѣто—прелесть; лѣто—отдыхъ, воля; лѣто—ясное небо, зелень, цвѣты, пѣніе птичекъ, яркія вечернія зори, ночи голубыя—теплыя, пахучія... Такъ въ этихъ мечтахъ мы и заснули...

При воспоминаніи о лѣтѣ у меня уже не разъ въ головѣ смутно мелькала мысль о томъ: какъ было бы хорошо, если бы можно было увезти Саньку на каникулы къ намъ

въ деревню, въ нашу милую Михайловку. Тамъ—поля, луга въ цвѣтахъ, сосновый лѣсъ и берегъ Волги...

Я проснулся раньше Саньки и поглядѣлъ на него. Онъ спалъ такъ крѣпко-крѣпко, свернувшись, на правомъ боку и подложивъ руку подъ щеку. Онъ дышалъ такъ тихо, чуть замѣтно... Только тутъ въ первый разъ я обратилъ вниманіе на то, какъ онъ худъ и блѣденъ. Онъ, можетъ быть, не доѣдаетъ, не досыпаетъ... Какъ онъ понравился бы за лѣто у насъ въ Михайловкѣ! Прежде всего надо поговорить съ мамашей.

29.—Были въ циркѣ. Какъ жаль этихъ маленькихъ акробатовъ, и какъ неприятно, страшно смотрѣть на ихъ „головоломныя“ продѣлки! Одинъ мальчуганъ до того старался, что даже оборвался съ высоты нѣсколькихъ аршинъ, но, къ счастью, не разбился. Манька испугалась и крикнула: „Мама, мама! Онъ убится!..“ Произошелъ переполохъ. Публика стала съ любопытствомъ оглядываться въ нашу сторону. Маня—добрая дѣвочка, но все-таки мнѣ было неловко, когда десятки глазъ возрѣлись въ нашу сторону... А маленькій акробатъ черезъ нѣсколько минутъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять появился на аренѣ цирка и очень мило раскланялся съ публикой подъ громъ аплодисментовъ.

И у насъ, какъ въ древнемъ Римѣ, на аренѣ цирковъ губятся человѣческія жизни на потѣху публики.

### 1891 годъ.

3 января.—Вчера Санька опять ночевалъ у меня. Теперь онъ уже пересталъ дичиться, и мы съ нимъ ходимъ въ столовую обѣдать и пить чай. Я сталъ еще больше дорожить моимъ другомъ: онъ понравился мамѣ. Мама сказала мнѣ: „Какой онъ славный, добрый мальчикъ!“ — „Только, кажется, тихоня!“ съ легкой усмѣшкой замѣтилъ отецъ. Онъ любитъ бойкихъ, удалыхъ; два мои старшіе брата—его любимцы, потому что и тотъ, и другой—сорви-голова. Одинъ изъ нихъ—въ военной службѣ, другой—инженеромъ.

Маня спросила меня: „Не умѣетъ ли твой Кузьминъ кроить платья кукламъ?“ Я сказалъ: „Нѣтъ! Въ гимназін этому не учатъ“. Она съ недовольствомъ надула губки и проговорила: „Ну-у! Какіе къ тебѣ все ходятъ... ничего-то не умѣютъ!..“

Пресмѣшная дѣвочка!

9.—Прошли праздники; опять наступили учебные дни. Только теперь уже все-таки веселѣе работать, чѣмъ въ первую половину учебнаго года. На душѣ свѣтлѣе... Дня было уже болѣе, чѣмъ на часъ; солнце въ полдень все выше и выше поднимается надъ землей. Проходить и скоро уже совсѣмъ пройдетъ темная пора...

Новый годъ начался для меня счастливо: изъ русскаго языка пять, изъ математики пять, изъ латыни четверка. И Санька въ новомъ году сталъ поправляться: изъ математики и географіи у него—по четверкѣ, а изъ русскаго даже—пять. Очень радъ за него.

11. Съ Булынинымъ приключилась большая неприятность. Онъ не представилъ сочиненія изъ русскаго языка, и Константинъ Ивановичъ ужасно на него разсердился и поставилъ единицу. Всѣ мы очень удивились: Булынинъ всегда такъ хорошо писалъ сочиненія. Чтò съ нимъ случилось? „Почему же вы не написали? что вамъ помѣшало?—спрашивалъ его Константинъ Ивановичъ.—Вы, быть можетъ, были больны, или въ семьѣ у васъ кто-нибудь боленъ?.. Или, просто, прогуляли?..“ Булынинъ—ни слова; стоитъ блѣдный—и молчитъ. Такъ Константинъ Ивановичъ ничего отъ него и не добился. „Булынинъ! Отчего же ты, въ самомъ дѣлѣ, не написалъ?“ спрашивали его товарищи.—„Не написалъ,—вотъ и все!“ нехотя, со вздохомъ промолвилъ онъ.

Прежде съ Булынинымъ я былъ довольно близокъ, мы ходили другъ къ другу, но потомъ какъ-то разошлись, безъ ссоры, безъ недоразумѣній, а просто такъ какъ-то...

23.—Санька у меня бывалъ почти каждый день. Кромѣ того мы устроили такъ, что въ субботу я провожу вечеръ у него въ Озерномъ переулкѣ. На столѣ является лампа съ розовымъ бумажнымъ абажуромъ санькинаго издѣлія; весело шумитъ самоваръ,—и въ санькиной „каморкѣ“ въ это время бываетъ весело, тепло и уютно. Въ воскресенье утромъ онъ приходитъ ко мнѣ, остается у меня весь день, поцуетъ—и мы вмѣстѣ идемъ въ гимназію.

Маня недавно сказала за чаемъ: „Ты со своимъ Сидюшкой—точно Милонко съ Чугрейкой! Тѣ были также дружны и заступались другъ за друга... даже и изъ-за кости не погрызлись ни разу!“ Не знаю: гдѣ она вычитала этотъ рассказъ о Касторѣ и Поллуксѣ собачьяго рода. Я расхохотался, глядя на ея серьезное личико, и спросилъ: „Кто же изъ насъ—



Милонко, ч кто—Чугрейко?“ — „Пу, разумѣется, Сіаюшка т вой—Милонко... вѣдь онъ—красивѣе тебя, а ты—Чугрейко!“ разсудительно отвѣтила Мапя.

9 февраля.—У Кулибныхъ на масляной будетъ дѣтскій спектакль. Манькѣ хотѣлось участвовать въ спектаклѣ: тамъ оказалась какаля-то роль для маленькой дѣвочки. Но мама, рѣшительно, воспротивилась, и у нея съ отцомъ по этому поводу даже вышелъ „разговоръ“. — „Отчего же ты не хочешь, чтобы она играла?“ замѣтилъ ей папа. — „И нахожу, что дѣтскіе спектакли — безнравственны“ отвѣчала мамаша. Отецъ, повидимому, былъ озадаченъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее. „Какъ такъ — „безнравственны“? спросилъ онъ. „Чѣмъ же онѣ безнравственны?“ — „Да, просто, нехорошо, когда человѣкъ съ малыхъ лѣтъ пріучится играть „роль“, ломаться и кокетничать передъ публикой! — возразила мама. — Взрослый человѣкъ можетъ разумно отнестись къ сценическому искусству, можетъ видѣть въ немъ одно изъ средствъ будить въ людяхъ добрыя чувства, осмѣивать глупость и зло. Такой человѣкъ пойметъ силу и значеніе пьесъ Шекспира, Шиллера, Мольера... А ребенокъ увлекается только виѣшностью. Каждому изъ участвующихъ въ спектаклѣ хочется взять себѣ роль получше, повиднѣе, покрасивѣе, хочется фигурировать на первомъ планѣ, первымъ номеромъ, хочется заслужить вызовы, аплодисменты, — ну, однимъ словомъ, порисоваться. По моему, эти спектакли развиваютъ въ дѣтяхъ только пустое тщеславіе — и вообще разжигаютъ самыя низкіе, подлые инстинкты...“ Мамаша такъ увлеклась и разгорячилась, что даже покраснѣла, (а это съ ней бываетъ рѣдко). „Никогда я не соглашусь, чтобы мои дѣти ломались передъ публикой! Никогда!“ проговорила мама. Отецъ въ такихъ вопросахъ, обыкновенно, уступаетъ ей, — уступилъ и на этотъ разъ. „Ну, какъ знаешь!..“ промолвилъ онъ и, поцѣловавъ маму въ лобъ, ушелъ въ свой кабинетъ.

Я долго раздумывалъ надъ этимъ разговоромъ, и мнѣ кажется, что мама — права.

22. — Сашка что-то неможетъ. Вотъ уже другой день ходитъ невеселый, жалуется на головную боль, — говоритъ, что онъ все забнетъ и никакъ не можетъ согрѣться. Я посоветовалъ ему напиться къ ночи липоваго цвѣта и хорошенько пропотѣть. Когда я заболѣлъ въ прошлую зиму, мама липовымъ цвѣтомъ меня поила, и я скоро поправился.

Вирочемъ, потомъ я подумалъ: хорошо ли будетъ, если Санька напьется липоваго цвѣта и останется на ночь въ своей канурѣ. На дворѣ опять стало холоднѣе; значить, и у нихъ въ квартирѣ не тепло.

23.—Санькѣ сегодня хуже. Во время уроковъ онъ все дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. „Погрѣйся у печки!“ говорю ему въ перемѣну. — „Сегодня, говорить, все утро грѣлся у плиты, а согрѣться не могъ!“ Глаза у него такіе нехорошіе, мутные, — и все онъ хватается за голову.

25.—Загадочная исторія съ Булынинымъ разъяснилась совершенно неожиданно. Исторія оказывается трагическая. Булынинъ сегодня самъ повѣдалъ мнѣ ее.

Вчернѣ онъ нанисалъ сочиненіе еще за 4 дня до срока; оставалось только переписать. Онъ былъ очень доволенъ своей работой — и говорить, что ему рѣдко удавалось такъ хорошо написать сочиненіе. Онъ написалъ черновикъ на четвертушкахъ и, перегнувъ четвертушки вдвое, оставилъ на этажеркѣ; въ нихъ же онъ заложилъ и деньги (плату за второе полугодіе), — на другой день онъ хотѣлъ отнести ихъ въ гимназію, но утромъ заторопился и забылъ... Листочки какъ-то соскользнули съ этажерки на полъ, и прислуга, по уходѣ его въ гимназію, по разсѣянности, вмѣстѣ съ прочими бумажками, валявшимися на полу, и этотъ дорогой черновикъ вмѣстѣ съ деньгами бросила въ топившуюся печь.

По возвращеніи домой, Булынинъ узналъ о постигшемъ его несчастіи и совсѣмъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ — такой нервный. Ему было не столько жаль денегъ, сколько сочиненія. Какой-то добрый человѣкъ изъ знакомыхъ помогъ ему внести плату въ гимназію, а сочиненія онъ такъ и не могъ написать. Ходилъ, какъ шалый... Онъ думалъ, что ему уже не написать такъ хорошо, какъ было написано. „Руки, говорить, совсѣмъ опустились!“... Ему было тяжело рассказывать о своемъ несчастіи, поэтому онъ ничего не отвѣтилъ и Константину Ивановичу, но тотъ какъ-то сторопой узналъ объ его злѣлоченіи и вычеркнулъ поставленную ему единицу.

27.—Саньки не было въ гимназін. Послѣ обѣда я пошелъ къ нему и засталъ его въ постели, совсѣмъ больнымъ. Онъ весь горитъ, такъ и пышитъ отъ него, глаза поминутно закрываетъ, какъ будто ему смотрѣть больно, губы сухія, — мечется, все проситъ пить... Иногда мнѣ казалось, что онъ не слышитъ или не понимаетъ меня.

Ольга Тимоѳеевна мнѣ говорила, что онъ ночью бредилъ— переводилъ что-то изъ Овідія.

28.—Сегодня Саньку увезли въ больницу. Его, бѣднаго, возили по всему Петербургу, нигдѣ мѣста не оказывалось, наконецъ, ужь кое-какъ удалось помѣстить его въ Александровской больницѣ, (это гдѣ-то очень далеко). У Саньки оказался жесточайшій тифъ. Давно слѣдовало бы его въ больницу, а онъ, вмѣсто того, все ходилъ въ гимназію и запуская свою болѣзнь.

Отецъ запретилъ мнѣ навѣщать Саньку. Мама хотя прямо не запрещала, но все-таки сказала мнѣ: „Да, Андрюша! Пожалуйста, будь осторожниѣ! Нынче такъ много больныхъ...“ И съ умоляющимъ видомъ, грустно и тревожно посмотрѣла на меня. Я ничего не сказалъ. Но развѣ я могу не навѣщать больного друга? Въ такомъ случаѣ, что жъ такое дружба? Зачѣмъ она, и кому она нужна? Если другъ здоровъ и счастливъ, я могу не навѣщать его, если мнѣ почему-нибудь неудобно заходить къ нему. Но если другъ мой боленъ, если онъ въ горѣ, если вообще ему худо живется, я долженъ идти, и пойду къ нему; я долженъ быть съ нимъ въ тяжелыя для него минуты. Смогу ли я утѣшить его или нѣтъ, все равно: пусть, по крайней мѣрѣ, онъ не чувствуетъ себя брошеннымъ, одинокимъ. Вотъ—дружба! Я такъ понимаю... А то развѣ дружба: идти къ человеку, когда ему и безъ тебя хорошо, и бѣжать отъ него, когда ты ему нуженъ, когда онъ призываетъ тебя къ себѣ!..

Въ воскресенье же пойду къ Санькѣ.

3 марта. — Помню грустный, умоляющій взглядъ моей дорогой, милой мамы, и поэтому я очень остороженъ. Приняты всѣ мѣры: ходилъ въ больницу въ старомъ платьѣ и, возвратившись домой, сейчасъ же переодѣлся, убралъ свое старье и вымылся.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ больница. Запахъ карболовой кислоты и іодоформа остался у меня въ носу на весь день. Неприятный запахъ, потому что съ нимъ связываются неприятныя, печальныя воспоминанія... Санька непрежнему горитъ, часто впадаетъ въ забытѣ, — меня, впрочемъ, узналъ, но я не могъ много говорить съ нимъ, потому что онъ часто закрывалъ глаза и какъ будто пачиналъ дремать.

Фельдшеръ мнѣ сказалъ, что у Саньки вчера вечеромъ температура была 40,5. Это, говорятъ, очень высокая температура; при 42 градусахъ умирають... Какъ мнѣ жаль Саньку!

5.—Сегодня въ больницѣ—пріемный день.

Пробыль у Саньки недолго: онъ — въ забытьѣ,—лежитъ неподвижно, такой блѣдный, дыханье короткое и частое. Онъ не видалъ меня. Я нѣсколько минутъ посидѣлъ у него на табуретѣ и ушелъ. Сидѣлка сказывала, что мать часто навѣщаетъ его. Надо бы сходить къ ней.

Почему отецъ такъ боится заразы? Вѣдь, вотъ, фельдшера, сидѣлки, служителя—постоянно съ больными, около нихъ, и живутъ въ больницѣ, тутъ и пьютъ и ѣдятъ, а, однако, не заражаются. По крайней мѣрѣ, за все время, какъ я сюда хожу, ни одинъ изъ нихъ не заболѣлъ... Почему? Вѣдь имъ, кажется, легче бы заразиться, чѣмъ мнѣ? Я говорилъ объ этомъ съ фельдшеромъ,—онъ пожалъ плечами и усмѣхнулся. „Кто ихъ тамъ знаетъ!—сказалъ онъ.—Можетъ быть, мы притерпѣлись, привыкли, акклиматизировались,—вотъ зараза-то насъ и не беретъ... Всѣ болѣзненные яды, можетъ быть, привились къ намъ! А вы—человѣкъ свѣжій, пришлый, оттого, можетъ быть, и воспримчивѣе!...“ Этотъ фельдшеръ, человѣкъ неглупый и остроумный, по его объясненіемъ я все-таки не удовлетворился.

Выживетъ ли Санька? Все онъ мерещится мнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ сегодня я засталъ его,—блѣдный, неподвижный, тяжело дышащій и вытянувшійся подъ одѣяломъ во весь ростъ...

7.—Санька умираетъ.

Сегодня я былъ у него. Какъ онъ худъ и слабъ!.. Пальцы на рукахъ совсѣмъ бѣлые, какъ у покойника, и всѣ косточки видать. Кажется, онъ не узналъ меня, хотя и взглянулъ на меня мелькомъ. Онъ сегодня какъ будто безпокойнѣе обыкновеннаго и, не смотря на видимую слабость, все ворочаетъ головой, смотритъ себѣ на руки и шевелитъ губами, какъ будто хочетъ что-то сказать... Я поправилъ ему подушку, пригладилъ волосы, упавшіе ему на лобъ. „Не пускай!..“—прошепталъ онъ чуть слышно. Кого не пускать? куда не пускать? неизвѣстно... Я стоялъ у него въ ногахъ и долго-долго на него смотрѣлъ. Лицо у него сдѣлалось какое-то страшное, совсѣмъ измѣнилось и стало не похоже на Санькино лицо.

Сидѣлка вмѣстѣ со мной вышла изъ палаты въ корридоръ и сказала мнѣ вполголоса: „Вашъ товарищъ до завтра не доживетъ... Проститесь теперь!“ Конечно, я и самъ видѣлъ, что Санька опасно боленъ, что онъ—плохъ, но все-таки слова сидѣлки, сказанныя спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ, обдали меня холодомъ. Я остановился въ дверяхъ, какъ вкопанный. Меня совсѣмъ ошеломило... Сидѣлка поправила свой бѣлый

чепчикъ и, посмотрѣвъ на меня, пошла дальше, неслышно ступая по ковру мягкими туфлями. А я невольно еще разъ взглянуть издали на санькину койку.

Больной лежитъ все также неподвижно; бѣлый кончикъ его носа совсѣмъ заострился; ступни ногъ торчатъ подъ одѣяломъ. — „Прощай, прощай, Санька! Прощай, милый мой!“ — говорилъ я про себя, смотря на умирающаго друга. Тутъ я почувствовалъ, что блѣднѣю, по тѣлу пробѣжали холодныя мурашки, а къ горлу какъ будто что-то подступало и давило... Долго ли я такъ стоялъ въ дверяхъ, право, не знаю. Мнѣ время показалось очень долго, хотя, вѣроятно, послѣ ухода сидѣлки я оставался тамъ — самое большее — минуты двѣ-три... Замѣчательно, какъ много человѣкъ иногда переживаетъ, передумываетъ въ нѣсколько секундъ. Въ эти двѣ-три минуты въ головѣ у меня пронесся цѣлый рядъ картинъ...

Еще недавно я мечталъ о томъ, какъ Санька побѣдетъ съ нами въ Михайловку. Въ жаркіе лѣтніе дни, мечталъ я, мы будемъ уходить съ книгой въ садъ и лежать гдѣ-нибудь въ тѣни; станемъ бродить по цвѣтущимъ полямъ и лугамъ, слушать пѣсню жаворонка; станемъ ходить въ лѣсъ, купаться въ Волгѣ; станемъ любоваться прелестью лѣтнихъ ночей... И теперь, стоя въ дверяхъ больничной палаты, я съ горечью думалъ о томъ, *чему* не суждено было сбыться... Я тогда думалъ: Санька ужѣ поправится въ деревнѣ, пополнѣетъ, зацвѣтетъ здоровьемъ, румянцомъ и загаромъ покроются его щеки...

Я теперь хорошо не помню, какъ я шелъ по корридолу, какъ внизу я взялъ отъ швейцара свое пальто, — я опомнился уже на улицѣ. Я провелъ рукой по лицу: щеки у меня были мокрыя, въ глазахъ какъ будто стоялъ туманъ. (Я рѣдко плачу: даже не помню, когда я плакалъ въ послѣдній разъ. Вѣроятно, то было очень давно).

Иду я по улицѣ. День — ясный; въ воздухѣ вѣетъ ранней весной; на солнышкѣ снѣгъ таетъ; воробьи на деревьяхъ бойко чирикаютъ. Извозчики ѣдутъ взадъ и впередъ; на троттуарахъ толкуются прохожіе... А передо мной, въ воображеніи, живо, неотступно стояла только — что видѣнная картина: палата съ голыми стѣнами, въ палатѣ — койка, и на ней — Санька, умирающій... И мнѣ представилось, что Санька лежитъ уже мертвый, съ закрытыми глазами, съ руками, плотно сложенными на груди. — „Да, неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, не выживетъ?“ — подумалъ я, посмотрѣвъ на ясное, безоблачное небо, сіявшее надъ землей. Неужели Санька больше не увидитъ этого голу-

бого неба, этого яркаго солнца? Неужели опъ не увидить весенней зелени, не подышитъ свѣжимъ весеннимъ воздухомъ? Неужели онъ, Санька, будетъ лежать въ темной, сырой могилѣ, нѣмъ, холоденъ и неподвиженъ въ то время, какъ надъ землей весело и радостно заблещетъ теплое, весеннее солнышко, и зацвѣтутъ фіялки?..

Худо, тяжело было у меня на душѣ.

8. — Изъ математики — три; изъ русскаго языка совсѣмъ не отвѣтилъ; Константинъ Ивановичъ поставилъ мнѣ *NB.* Санька не идетъ изъ головы... Заходилъ къ швейцару узнавать. Живъ. — Далъ швейцару 30 коп., (все, что было у меня съ собой).

9. — Изъ латыни — двойка. Это — ничего... Живъ ли онъ?.. Завтра пойду къ нему. Но *что* я узнаю завтра?..

12. — Господи! Какъ я радъ! Санькѣ — лучше... Сегодня уже поѣлъ немного бульона и выпилъ полчашки жидкаго чаю. Я былъ въ больницѣ, но Саньку сегодня нельзя было видѣть. Встрѣтилъ въ корридорѣ знакомую сидѣлку и сказалъ ей: „Ожилъ!“ — „Да! Докторъ ошибся... Это бываетъ!“ — отозвалась она своимъ невозмутимо-спокойнымъ тономъ. Ахъ, если бы этотъ докторъ такъ почаще ошибался! Какъ ему были бы благодарны!..

Сегодня ночь усну спокойно: ни во снѣ, ни на яву не буду видѣть Саньку мертвымъ, въ гробу. О! Мы съ нимъ еще проживемъ... Только какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣе видѣть его!

17. — Сегодня пустили меня къ Санькѣ. Блѣденъ и худъ, и очень слабъ, и весь онъ сдѣлался какой-то маленькій, точно цыпленокъ. Но онъ живъ и будетъ жить... Онъ очень обрадовался мнѣ. „Какъ я тебя давно не видалъ!“ — тихо промолвилъ онъ. Я, разумѣется, въ тотъ разъ не сказалъ ему о томъ, что я ужъ совсѣмъ не надѣялся видѣть его живымъ. Сидѣлка просила не утомлять его разговоромъ, поэтому я сидѣлъ все больше молча, и съ радостной улыбкой смотрѣлъ на своего друга, возвращавшагося отъ могилы къ жизни...

26. — Сегодня при выходѣ изъ палаты я встрѣтилъ Ольгу Тимооеевну. Она тоже сильно похудѣла. Была очень растрогана, увидавъ меня, но ничего мнѣ не сказала, только крѣпко-крѣпко пожала мнѣ руку... Своихъ больничныхъ посѣщеній я уже не скрываю дома, да признался и въ томъ, что раньше украдкой навѣщалъ больного. Отецъ поворчалъ что-то на счетъ упрямства и о томъ, что мать избаловала меня. Мама промолчала. Въ душѣ, кажется, она довольна

тѣмъ, что я не оставлялъ больного. Мы съ мамой безъ словъ понимаемъ другъ друга.

Манькѣ гдѣ-то Богъ далъ грушу, и Манька просила меня отнести больному этотъ фруктъ и поклониться ему отъ нея „отъ полу до потолка“. Я сказалъ ей, чтобы она сама ѣла грушу и сама же при свиданіи отвѣсила Санькѣ свой необыкновенный поклонъ. „А онъ скоро къ намъ придетъ?“ — спросила она, принимаясь за грушу и смотря на меня своими синими, васильковыми глазами. Я сказалъ, что „скоро“...

4 апрѣля. — Работы много, но Саньку провѣдываю. Поправляется медленно, но уже сидитъ на постели. Спрашивалъ: здоровы ли у меня дома? Манькѣ просилъ передать поклонъ и сказать, что лѣтомъ онъ сдѣлаетъ для ея куколь маленькую кухню — съ плитой, съ полками и все, какъ слѣдуетъ... Въ больницѣ Саньку всѣ полюбили и ухаживаютъ за нимъ, какъ за принцемъ. А онъ, чудакъ, чуть не плачетъ. „Какіе, говоритъ, всѣ ко мнѣ добрые!“

8. — Санькѣ позволено читать, — впрочемъ, только такія книги, надъ которыми не нужно было бы ломать голову. Я принесъ ему вчера „Записки Пиквикскаго клуба“. Дежурный докторъ, когда я показалъ ему книгу, одобрительно кивнулъ головой и сказалъ: „Это — можно!“

14. — Сегодня засталъ Саньку за „Пиквикомъ“. Вхожу: Санька лежитъ на кровати и хохочетъ, полузакрывъ книгой лицо. Пиквикъ его тѣшитъ...

17. — Манька все спрашиваетъ: какъ, да изъ чего сдѣлаетъ ей Саня кухню. Я, наконецъ, сказалъ ей: „Отвяжись! Надоѣла!“ А она все приступаетъ: какъ, да изъ чего?.. Говорю ей: „Изъ мочали!“ Она взяла палецъ въ ротъ и примолкла, (знакъ глубокаго размышленія). „Все выдумываешь!“ — отрывисто проговорила она и ушла.

20. — Знаменательный день — счастливый день. Сегодня рѣшены три великіе вопроса. Санькѣ начальство разрѣшило остаться еще на годъ въ V классѣ; на лѣто Санька поѣдетъ съ нами въ Михайловку; съ осени онъ станетъ жить у насъ, то-есть, со мной. Мать его нашла себѣ мѣсто въ провинціи и въ началѣ мая уѣзжаетъ изъ Петербурга. Санька изъ больницы переберется прямо къ намъ.

29. — Столько занятій, столько бѣготни, что некогда взяться за дневникъ. Хлопотъ полонъ ротъ.

1 мая. — 30-го апрѣля я привезъ къ себѣ Саньку. Докторъ на прощаньи сказалъ, чтобы Санька въ хорошую, тихую

погоду часа по два, по три проводилъ на открытомъ воздухѣ, но чтобы не особенно утомлялся. Докторъ еще сказалъ, чтобы Санька лѣтомъ какъ можно больше гулялъ и меньше занимался, что если онъ сразу слишкомъ усердно примется за книги, то въ будущемъ это можетъ нехорошо отразиться на его умственныхъ способностяхъ. Спасибо доктору: теперь мы знаемъ все, что намъ надо. Дорѣгой я сказалъ Санькѣ, что не дамъ ему заниматься—за тѣмъ, чтобы онъ не поглупѣлъ. Всю дорогу мы безумолку болтали и смѣялись. Извозчикъ оглядывался на насъ и самъ невольно ухмылялся.

Сегодня въ первомъ часу мы взяли извозчика и отправились въ Таврической садъ.

Настоящій майскій день—ясный, теплый и тихій. Деревья въ Таврическомъ саду уже запустились первою нѣжною зеленью. Птички чирикали весело. Небо такое голубое, голубое раскидывалось надъ садомъ,—такое чистое, прозрачное, какъ будто на немъ никогда и не бывало темныхъ тучъ; какъ будто дождливыя осеннія облака, да сѣрые туманы никогда и не застигали его сіяющей лазури. Пріятно, легко дышалось въ свѣжемъ весеннемъ воздухѣ. Въ саду на тотъ разъ гуляющихъ было очень мало: петербургская публика сегодня направилась въ Екатерингофъ.

Санькѣ хотѣлось пройтись, я подаль ему руку, и мы тихо пошли по аллеѣ. Теперь—въ этотъ свѣтлый, ликующій день—мнѣ вдругъ почему-то вспомнился ненастный ноябрьскій вечеръ, когда мрачныя мысли о кладбищахъ лѣзли мнѣ въ голову. Теперь эти мрачныя думы были отъ меня далеко-далеко; онѣ исчезли, умчались вмѣстѣ съ темными тучами, сбѣжавшими съ горизонта...

Аллея была совсѣмъ пуста... Вдругъ Санька останоился, поднялъ голову и съ тихой, блаженной улыбкой посмотрѣлъ въ глубь сіяющихъ, голубыхъ небесъ. Онъ пожалъ мнѣ руку и прошепталъ: „Спасибо тебѣ, Андрюша! Спасибо—за все!“ Въ ту минуту у меня на душѣ стало такъ свѣтло, такъ тепло, какъ будто меня насквозь пронизалъ горячій солнечный лучъ,—я не выдержалъ, наконецъ, и, позабывъ всѣ этикетки и всѣ наши гимназическія приличія, обнялъ Саньку и крѣпко поцѣловалъ. Онъ, молча, оперся на мою руку и наклонилъ голову. Когда я заглянулъ ему въ лицо, глаза его были полны слезъ. „Саня! О чемъ же это?“—съ тревогой спросилъ я его.—„Я умиралъ... а вотъ теперь мнѣ такъ хорошо!—промолвилъ онъ, улыбаясь сквозь слезы своею кроткою, чудною улыбкой.—Ты такой до-



брий... и всё такъ добры ко мнѣ... И за что?.. Чѣмъ я отплачу! — .. — „Ну, вотъ—чѣмъ отплачу!—передразнилъ я его.— Будешь жить—и отплатишь добромъ за добро, не тому, такъ другому“.

Мы прошли нѣсколько шаговъ и сѣли подь деревомъ на скамейку. Мы говорили о томъ, какъ поѣдемъ въ деревню, какъ будемъ проводить лѣто, собирать растенія, бродить по лѣсу, по берегу Волги, протекающей подь самымъ садомъ; толковали о томъ, какъ съ осени мы станемъ вмѣстѣ заниматься; загадывали и о томъ: что мы будемъ дѣлать по выходѣ изъ гимназіи, какъ будемъ жить... Нужно прожить жизнь какъ можно лучше, съ пользой для ближнихъ, и взять у жизни радости, какія только возможно взять... „Другихъ не обижай!“—добавилъ Санька.— „Ну, разумѣется,—согласился я.—Какая жъ тутъ радость, если изъ-за нашей радости другой кто-нибудь будетъ плакать... Я думаю: если тѣбѣ хорошо прожить жизнь, то и смерть не будетъ страшна. Уснемъ спокойно, какъ засыпаемъ послѣ хорошо проведеннаго дня, когда знаемъ, что мы все сдѣлали, что было нужно и что могли сдѣлать, что мы никому не причинили непріятности или горя, никого не обидѣли, а напротивъ оставили по себѣ добрую память“...

Какъ я былъ радъ, что мы станемъ жить вмѣстѣ! Вѣдь Санька мнѣ все равно, что—родной. Человѣкъ намъ родной по душѣ даже ближе родного по плоти...

Я часто взглядывалъ вверхъ на небо, на зеленѣвшія вѣтви деревьевъ. Люблю я весну! Люблю солнце, тепло, цвѣты... Прекрасенъ Божій міръ, и жить въ немъ такъ отрадно!

18 июня. — Приѣхали въ Михайловку. Я съ Санькой устроился въ мезонинѣ. Окна выходятъ въ садъ... Санька смотритъ въ окно,—не можетъ налюбоваться на старыя липы и не можетъ надышаться чистымъ деревенскимъ воздухомъ. Сегодня утромъ мы рано открыли окно; запахъ цвѣтущихъ лип ворвался къ намъ въ комнату.

20. — Сегодня почти всю ночь у насъ подь окномъ въ саду пѣла какая-то птичка,—и такъ славно пѣла...

23. — Сегодня—Аграфены Купальницы. Мы съ Санькой купались въ Волгѣ. Вода—чудная, теплая.

24. — Отправляемся въ лѣсъ. Свой дневникъ я оставляю: писать теперь некогда... да къ тому же, говорятъ, что у счастливыхъ народовъ не бываетъ исторіи, а мы—то-есть, Санька и я, мнѣ кажется, теперь счастливы.